

«Всякое произведение искусства есть дитя своего времени, часто оно и мать наших чувств».

В. Кандинский

Это решение доцента юридического факультета Московского университета в 30 лет закончить карьеру действительно было судьбоносным как для него самого, так и для всего мира. Никто уже не узнает, каким бы он был юристом, возможно, стал бы новым Фёдором Плевако, Дмитрием Стасовым или Анатолием Кони. Но выдающихся юристов много, а второго такого художника точно больше нет. Даже те, кто практически не знаком с его творчеством, слышали это имя, хотя бы в силу того, что его картины являются одними из самых дорогих на планете. Так в 21 июня 2017 года на торгах Sotheby's «Картина с белыми линиями» была продана за 41,8 миллионов долларов, «Пейзаж с зелёным домом» «отца абстракции» был продан за 26,4 млн. долларов.

Вы, конечно, поняли о ком идёт речь, — о Василии Кандинском.

В 30 лет он решает оставить многообещающую карьеру и полностью посвятить себя живописи.

Да, тридцать лет — это серьёзно. И недаром об этом возрасте много лет спустя Юрий Кукин напишет песню:

Тридцать лет — это время свершений
Тридцать лет — это возраст вершины,
Тридцать лет — это время свержений
Тех, что раньше умами вершили...
Тридцать лет — это поиски смысла...

Действительно, революционное творчество Кандинского знаменует переломные моменты во всём искусстве первой половины XX века. Впоследствии В. Кандинский вспоминал о двух событиях, повлиявших на это решение: потрясение картиной Клода Моне «Стога сена» на выставке французских импрессионистов в Москве

в 1895 году и впечатление от оперы Рихарда Вагнера «Лоэнгрин» в Большом театре. Впрочем, не менее сильно на него подействовало увиденное в 1889 году во время трёхмесячной экспедиции в Вологодскую губернию. В своём дневнике художник так описал свои переживания: «Помню, когда я впервые вошёл в крестьянский дом, — остановился на пороге как вкопанный. Я был потрясён необычными картинами, окружившими меня со всех сторон. Стол, лавки, важная и огромная печь, шкафы, поставцы — всё было расписано пёстрыми размашистыми орнаментами. По стенам лубки: символически представленный богатырь, сражение, красками переданная песня. <...> В этих чудесных домах я пережил то, чего до сих пор не испытывал. Они научили меня входить в картину, жить в ней всем телом и впереди, и позади себя». Так русское народное творчество, французский импрессионизм и немецкая музыка стали основой экспрессивной абстракции «пионера беспредметности».

Первой абстрактной картиной считается его «Картина с кругом» 1911 года. Но до неё было 15 лет интенсивного и плодотворного поиска. Начался он с построенных на цветовых диссонансах пейзажей — «Шлюз», 1901; «Старый город», 1902; «Синий всадник», 1903; «Берег залива в Голландии», 1904; «Осень в Баварии», 1908 — и русской былинной старины: «Русский всадник», 1902; «Русская деревня на реке с ладьями», 1902; «Русская красавица», 1905; «Песня Волги», 1906.

Позже были колебания между языком абстракций, импрессионистическими пейзажами и романтическими фантазиями: «...так я шёл через “экспрессионизм” к абстрактной живописи — медленно, через бесконечное множество попыток, через отчаяние, надежду, открытия», — пишет художник. В картинах усиливается геометризация отдельных элементов, которые всё более выступают на первый план, палитра насыщается различными цветовыми гармониями. Особо много круг, как символ совершенной формы: «...круг, который я использую в последнее время столь часто, можно назвать не иначе, как романтическим. И нынешняя романтика существенно глубже, прекраснее, содержательнее и благотворнее — она — кусок льда, в котором пылает огонь. И если люди чувствуют только холод и не чувствуют огня — тем хуже для них...»

Появляются, ставшие в последующем классически знаковыми, импрессии, импровизации и композиции. Никого не оставят равнодушными «Красный овал», 1920; «Композиция VIII», 1923; «Жёлтое-Красное-Синее», 1925 вплоть до «Сдержанного порыва» и «Последней акварели», 1944 года. И во всех картинах, по словам самого художника, «акцент делался на выявлении ассоциативных свойств цвета, линии и композиции».

Впрочем, рассказывать подробно о Кандинском — художнике я не буду, тем более, что о его творчестве написано много работ. Да и зачем отнимать хамон¹ у искусствоведов, «которые пишут глубокомысленные книги». Отмечу лишь, что Кандинский, прежде всего, мыслитель, а затем художник. Суть абстракции Кандинского состоит в поиске наилучшего синтеза музыки и живописи, выражающего самого творца и стремящегося к пониманию зрителя. Моя цель: рассказ о Кандинском-писателе. Его тексты свидетельствуют о несомненном литературном даре этого широко образованного человека.

Начав с художественно-критических «Писем из Мюнхена» в журналах «Мир искусства» и «Аполлон» (1902, 1909), он публикует несколько книг, перевернувших общепризнанное представление об искусстве вообще, и авангарде как разнообразии языков и концепций, в частности. В 1912 году выходит его книга «О духовном в искусстве», ставшая первым теоретическим обоснованием абстракционизма. Её называли «евангелием для художников».

¹ Хамон — национальный испанский деликатес — сыровяленый свиной окорок. — *Прим. ред.*

Одной из основных идей в теории Кандинского, является «принцип внутренней необходимости» являющийся не только двигателем развития, но и основой духовного в искусстве. «Внутренняя необходимость возникает по трём мистическим причинам. Она создаётся тремя мистическими необходимостями: 1) каждый художник, как творец, должен выразить то, что ему свойственно (индивидуальный элемент); 2) каждый художник, как дитя своей эпохи, должен выразить то, что присуще этой эпохе...; 3) каждый художник, как служитель искусства, должен давать то, что свойственно искусству вообще (элемент чисто и вечно художественного, который проходит через всех людей, через все национальности и через все времена; ...он не знает ни пространства, ни времени)». Придя к мысли, что «цели (а потому и средства) природы и искусства существенно, органически и мирозаконно различны — и одинаково велики... и одинаково сильны», — художник провозгласил творческий процесс «самовыражением и саморазвитием духа».

Также Кандинский пишет мемуары «Оглядываясь назад» (1913 год; в русском переводе — «Ступени. Текст художника»), выпускает сборник стихов «Звуки» (1913 год) с пятьюдесятью пятью чёрно-белыми и цветными ксилографиями и в 1926 году «Точку и линию на плоскости (к анализу живописных элементов)», над которой он работал с августа 1914 года. Во всех его работах, как художника, так и литератора, важна символистская основа. Прежде всего, в описании воздействия тех или иных цветов и форм на сознание. «Цвет, — пишет он, — это клавиш; глаз — молоточек; душа — многострунный рояль. Художник есть рука, которая посредством того или иного клавиша целесообразно приводит в вибрацию человеческую душу». Гармония красок и форм может основываться только на принципе целесообразного затрагивания человеческой души. При этом основой для художника должна быть психологическая духовная составляющая. Цвет и форма вторичны и не должны ограничивать творца. Однако художник должен знать свои инструменты и уметь их применять. Он должен изучать цвет и форму, тем более, что у каждого цвета есть свое «благоухание».

У Кандинского и в картинах, и в текстах есть живой созерцательный опыт восприятия цвета. «Цвет для него является психическим (душевым) наполнением, создающим “звучание” произведения; форма — это ограничение (рисунок); предметность — содержание от абстрактного до конкретного». Над содержанием Кандинский работал во все периоды своего творчества, выразив

полный спектр возможных «предметностей», однако всегда делал упор на магическую силу цвета, который обладает, как он считал, как воздействием физическим и психическим, так и микродвижением. Развивая свою теоретическую базу, он писал: «Абстрактное искусство создаёт рядом с “реальным” новый мир, с виду ничего общего не имеющий с “действительностью”». Свои абстракции автор делил на импрессию, импровизацию и композицию. Первые — прямые впечатления от созерцания; вторые — поток бессознательного; третьи, напротив, сознательно выстроенные. При этом, Кандинский выделял точку и прямую, видя в них импульс и последствие. Правда, вместо слова «импульс», которое постоянно употреблял Малевич, выстраивая целую философскую концепцию, Кандинский использует слово «толчок», выражая им и причину начала любого действия, и мотивы нового искусства. «Если из точки вышла линия — создалось движение, напряжение и направление. Если нет реакции, — пишет он ещё в 1912-м году, — то всё мертво».

Для реализации царства завтрашнего дня необходимо духовное движение, обращение своего взора от внешнего «во внутрь самого себя», утверждал главный теоретик абстракционизма. «Это происходит через внутреннее звучание слова, являющееся “чистым материалом поэзии и литературы”, как у Метерлинка, или чистый мелодизм Вагнера; через напряжённую “внутреннюю живописную ноту” Сезанна, писавшего картины “внутреннего звучания”; или через “божественное”, открывавшееся в картинах Матисса, или через конструктивность Пикассо, применяющего числовые отношения в своей живописи».

Кандинский считал художественное произведение самостоятельным субъектом — «личностным» существом. В нём творческий человек стремится выразить «внутреннюю природу» своего «я». И в этом состоит главная черта духовного искусства. «Сознательно или бессознательно, — пишет он, — художники кладут на весы искусства внутреннюю ценность своего духовного мира, сознательно или бессознательно они следуют словам Сократа: “Познай самого себя”». Автобиографическая повесть «Ступени» и исследование художественного языка «Точка и линия на плоскости» являются не менее важными частями литературных разработок мастера. Основанные на реальных событиях и собственной художественной практике, они позволяют полнее вникнуть в суть творчества художника.

Таблицы в книге: точек («умеренное напряжение к центру», «прогрессирующее растворение»...); линий («эксцентрическое

Из книги Кандинского
«Звуки» 2. 1913 г.

в поэзии не существовало», — писал об альбоме Ханс Арп, считающийся одним из основателей дадаизма в рецензии на «Звуки». «Кандинский продемонстрировал редчайшие духовные эксперименты в этих стихах. Из “чистого существования” он вывел красоту, никогда ранее не слышанную в этом мире. Со словами и предложениями такого не случалось раньше...». И у меня до сих пор то несравненное поразительное, что испытано при чтении:

— «Возвращения» с «высоким, очень высоким домом, который был очень узок и ослепительно бел»;

— «Видеть», где «белый скачок за белым скачком»;

— «Вечер», в котором «Лампа с зелёным абажуром мне говорит: Жди! Жди! Я думаю: чего мне ждать? А она мне зелёное показывает и говорит: Надейся!»;

— «Корень», где «Колокол пытается пробить в воздухе дыры. И не может. Он всегда пойман».

И другие «Звуки»... — 38 стихов.

В текстах книги Кандинский использует приём, заимствованный из речи детей, только начинающих говорить: «постоянное повторение слова приводит к освобождению его от значения, оставляя лишь чистый звук, заставляющий “вибрировать душу”».

После 1922 года картины Кандинского на долгие годы убирают из советских музеев и лишь в 1989 году состоялась его первая персональная выставка в России, а в 2001 — первое на русском языке издание теоретических трудов. Но его творчество

построение»; «тяжесть, акцентированная чёрно-белым») не только помогают читателю стать более понятливым зрителем картин, но и, как пишет автор, войти в «ощущение парения».

«Звуки» — альбом стихотворений в прозе и ксилографий Василия Васильевича был издан на немецком языке в 1912 году. И высоко оценён многими: «Из чистого бытия он призвал в этот мир неслыханные прежде красоты. В стихах появляется такой порядок слов и фраз, какого прежде

и литературно-философские труды во многом определили облик и пути развития изобразительного искусства. Они представляют обособленное явление в искусстве русского авангарда, причём свои открытия он всегда формулировал и в литературной форме. Фактически с работ художника начинается история современной абстрактной живописи. Источники творчества для него заключались в движениях души, часто из глубин подсознательного, познаваемого через интуицию: «Эти внутренние созревания не поддаются наблюдению: они таинственны и зависят от скрытых причин», — писал он. Поэтому всё, что вышло из-под его кисти и пера полно завораживающих образов, будь то очертания ночной бабочки, чарующих звуков или загадочного цветка, как в картине «Сумеречное».

Не менее важно и то, что Кандинский, наверное, единственный из художников, кто так полно литературно рассказал о своём творчестве: выражения своих идей, взглядов, методов, о взаимодействии художника и зрителя.

И в заключение. Я увлёкся авангардом начала XX века ещё на 2-м курсе института, когда слушал лекции в Русском музее. И для тех, кто хочет подружиться с ним (в том числе с абстракционизмом) так, как я, несколько ненавязчивых советов:

— не ищите в картинах ни «Витязя на распутье» Виктора Васнецова, ни «Девятый вал» Ивана Айвазовского, «Сикстинскую мадонну» Рафаэля или улыбку Моны Лизы;

— входя в музей или на выставку оставьте текущую суету и мятую;

— почувствуйте цвета, точки и линии, геометрию и пространство изображения;

— постарайтесь дать полотну захватить вас или, как писал Кандинский «войти в картину». И отдайтесь ему как любимому человеку, и картина ответит взаимностью;

— и, наконец, обязательно прочитайте хотя бы одну из работ родоначальника «экспрессивной абстракции», вникнете в его слова: «...я выучился не глядеть на картину со стороны, а самому вращаться в картине, в ней жить», «прекрасно то, что возникает из внутренней душевной необходимости. Прекрасно то, что прекрасно внутренне. Создание произведения есть мироздание».